

**ИМЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ  
В ТРАДИЦИОННОМ ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ \***

В статье через призму родовых и иных именовании представлены отношения власти и социума в традиционном японском обществе. Рассматриваются возвышение через пожалование имени, наказание через лишение имени, защита чести родовых имен и практика ограничения на ношение имен. Вся иерархически выстроенная структура традиционного японского общества фактически держалась на именах как символах статуса, крепко сцепленных с титулами и рангами. Верховная власть успешно оперировала именами придворной аристократии как инструментом подчинения.

*Ключевые слова:* Япония, имя, власть, статус, пожалование имени, лишение имени.

Имя занимает особое место среди элементов культуры. Концептуальные представления об имени как материальной, телесной субстанции, идентичной личности своего носителя, являются типологически сходными для многих традиционных обществ. Конкретные социальные практики, такие как пожалование и лишение имен, неоднократная смена личного имени на протяжении жизни, традиция табуирования личных имен и иные, подразумевали манипуляции с именами с целью воздействия на человека и на судьбу. В японском традиционном обществе следы таких манипуляций прослеживаются по всей вертикали общественной структуры – от верховной власти до самых низов. В данной статье сделана попытка представить отношения власти и социума через призму родовых и иных именовании.

На заре японской государственности общество строилось на системе иерархии родовых групп *удзи*, возводящих свое происхождение к имени единого первопредка. В V в. двор Ямато поглотил многочисленные *удзи* и союзы *бэ*, удерживая централи-

зованную власть путем ранжирования местных божеств, жалования от имени верховного божества родовых имен и связанных с ними титулов и статусных рангов. Объявив себя прямым потомком богов, создавших Ямато, вождь *тэнно* принял все божественные функции, в том числе право наделяния именем. Поскольку одной из традиционных магических функций имени (называния именем) является присвоение, то принятие в дар от вождя родового именовании имело политический смысл – символическое принесение клятвы на верность.

Жалованные родовые именовании подтверждали высокий статус рода и давали право на владение определенной территорией. В большинстве случаев эти именовании совпадали с названиями жалованных земель, тем самым подданные получали право и на милость божества, этой территории покровительствующего. Последовательно проводя практику жалования имен, власть за несколько веков сформировала ядро преданной ей аристократии. «Аристократичность» определялась не размером земельных наделов, но древностью имени,

---

\* Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

и с течением времени «новые» жалованные именованья стали конкурировать с «исконными» именованьями древних родов. В постоянном соперничестве родов за власть и влияние в обществе происходило возвышение одних родовых именованья и полное исчезновение других.

Объявив себя прямым потомком «высших богов», японский *тэнно* (император) не нуждался в покровительстве богов местных, кроме того, он никому на верность не присягал, а потому не имел родового имени. В этом, и еще в легенде о непрерывности власти на протяжении двух с половиной тысячелетий, заключается уникальность японской династии. Правители, к примеру, древнего Китая и корейских царств имели родовые именованья, поскольку были обычными людьми и происходили из знатных сильных родов.

Личное имя правителя строго табуировалось, подданным было явлено только так называемое тронное имя. Лицезреть правителя подданным не дозволялось, поэтому можно сказать, что на вершине власти находилась не личность, а статус правителя, вписанный в череду ритуалов и действующих от имени богов. Принятое за аксиому и документально оформленное (в памятниках VIII в. «Кодзики» и «Нихон сёки») божественное происхождение правителя во многом объясняет готовность подданных подчиняться и проделывать над собой различные манипуляции, в том числе с именами.

Имя, возведенное в ранг неоспоримого факта, выступало как доказательство легитимности власти, являясь государственным инструментом социально-политического конструирования. В первую очередь имена жаловались, естественно, потенциальным претендентам на власть, с целью устранения их с политической арены. В дальнейшем, с разрастанием правящего рода, практика пожалования имен стала обычной для принцев и принцесс при отделении от императорского дома. Дети, предназначенные в наследники династии, оставались при дворе, остальных переселяли из дворца. Получив родовое имя, титулы и земли, представители дочерних родов больше не могли претендовать на престол.

Статус родового имени, а также наличие титулов и рангов, были чрезвычайно значимыми для японской аристократии. Имена давали право на покровительство божеств,

на получение титулов и должностей. Должности, в свою очередь, обеспечивали материальное положение и власть. Поэтому представители политической элиты очень ревностно относились к попыткам нарушить сложившуюся систему. Свидетельством тому служат документальные записи.

Так, в исторической хронике «Нихон сёки» (720 г.) содержится несколько указов V в., которые запрещают фальсифицировать свое происхождение. В одном из указов императора Ингё (412–453 гг.) говорится: «Верхи и низы в распре, сто родов неспокойны. Одни, совершив оплошность, теряют свой род. Другие же, напротив, вдруг ни с того ни с сего притязают на высокое звание. ...Сановники, главы ста управ, управители всех провинций, – все говорят о себе – “мы – потомки владыки”, или ссылаются на чудо, говоря, что они “спустились с Неба”. ...Отдельные роды разделились и появилось множество семей. Узнать о них правду – затруднительно» [НС–СПб, 1997. Т. 1. С. 331]. Чтобы выявить лже-аристократов, в 415 г. претендентам на знатность было предложено пройти церемонию омоложения, очищения и погружения руки в кипяток. «И все, за кем была правда, остались невредимы, а лгавшие ошпарились. И тогда те, кто лгал [о своем происхождении], испугались и заранее отступили... Вот так были определены роды и семьи, и впредь лгавших уже не было» [Там же. С. 332]. Таким образом, в V в. проблема фальсификации происхождения и расширения аристократической элиты «снизу» была решена с помощью мифологизированных мер, но это помогло ненадолго.

Пристальное внимание власти к именам вновь было привлечено в 647 г., когда знатные роды «стали использовать имена божеств и правителей, входившие в их имена, по своему хотению, и они стали присваиваться людям и местам. И тогда имена божеств и имена государей, ввиду проведения несправедливых сделок с людьми, стали передаваться рабам, и чистые имена стали грязными» [Там же. Т. 2. С. 160]. На этот раз для «очищения имен» была введена система рангов (вторая в истории Японии).

С течением времени на политическую авансцену стали выдвигаться средние и мелкие роды, среди которых было немало переселенцев с материка. Иммигранты стали активно занимать административные по-

сты в формирующемся государственном аппарате [История..., 1999. С. 86–87].

Как только власть попыталась «сверху» расширить замкнутую систему знатных родов Японии, последовали многочисленные жалобы на принижение истинной аристократии и умаление статуса древних имен. Многие роды представили ко двору исторические документы, в которых доказывали знатность своего происхождения и права на исполнение определенных функций. Сохранились два таких документа: объяснительные записки «Такахаси удзи буми» («Записки рода Такахаси», 789 г.) и «Когосюи» («Дополнения к древним историям», 807 г.), где излагалась история знатного жреческого рода Имибэ [Такахаси, 2006. С. 6].

Но самым масштабным из сохранившихся документов являются «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные родовые списки», 815 г.), где кодифицируется иерархия всех знатных родов, обитавших в Кинай (столичный округ). Это своего рода проекция мифологического пантеона, с богиней Аматэрасу – мифологической прародительницей императорского рода, на вершине. В предисловии к «Синсэн сёдзироку» говорится: «В период Тэмпё сёхо [749–757 гг.] иногда составлялись императорские указы, позволявшие иноземным родам получать новые имена в соответствии с их собственными пожеланиями. И так получилось, что знаки, которыми записывали старые и новые родовые имена, перестали отличаться. В результате стало непонятно, где род японский, а где – иноземный. Повсюду явилось множество незнатных родов, которые причисляли себя к потомкам благородных, а переселенцы из трех корейских государств утверждали, что возводят свое происхождение от японских богов» [Синто..., 2002. С. 175].

Целью этих списков «чистой аристократии» было приведение современной социальной структуры в соответствие с сакральной генеалогией и ограничение влияния потомков иммигрантов, служилой знати вообще и периферийной аристократии, которые «создавали ложных потомков и приписывали себе мнимых предков» [Там же. С. 177].

Внесенные в списки 1 182 влиятельных рода делились на следующие категории:

- 1) потомки императоров;
- 2) потомки небесных божеств;

3) потомки детей и внуков небесных божеств;

4) потомки земных божеств;

5) потомки переселенцев из Кореи и Китая.

Высшую ступень иерархии занимали потомки богини Солнца Аматэрасу. Как свидетельствуют «Синсэн сёдзироку», в период Нара около 1/3 высшей элиты японского общества были иммигрантами либо потомками иммигрантов. Это переселенческие роды из Китая и корейских государств Пэкче, Когурё, Силла и Кая, в том числе роды Саканоуэ (из Ямато-но Ая), Коти (из Хата), Кома, Сасанами, Кудара, Удзумаса и Хата. Массовое пожалование титулов «инородцам» в начале IX в. вызвало неудовольствие у родовой элиты, причисляющей себя к потомкам императоров. Возможно, составление списков было ответом на попытки ревизовать генеалогический миф и возвести свое происхождение к синтоистским божествам [БСЯИФ, 1979. С. 14].

В эпоху Хэйан (794–1185 гг.) социальная структура японского общества держалась на четко простроенной генеалогической иерархии. К этому времени родовые именованья аристократии, тесно переплетенные с титулами и рангами, стали значительно различаться по статусу. Выделился ряд сильных родов, которые в значительной степени влияли на управление государством.

Род Фудзивара, например, монополизировал наиболее важные должности в бюрократическом аппарате и начал фактически править страной с 858 г. в качестве регентов при малолетних императорах, а с 888 г. – в качестве канцлеров. Господство рода Фудзивара продолжалось так долго, что превратилось в устойчивую традицию. В «Повести о доме Тайра» (XIII в.) чиновник осаживает военачальника: «Канцлером может стать только член рода Фудзивара, потомок славного Каматари. А вы, господин, происходите из семейства Минамото, и потому стать канцлером вам никак невозможно!» [Повесть..., 1982. С. 379].

Таким образом, сложившаяся в VII–VIII вв. замкнутая структура класса аристократов успешно противостояла проникновению «худородных» и иноэтничных элементов. К XII в. имя составляло высшую ценность в придворных кругах, предопределяло получение титулов и рангов. Те, кто

находился внутри этой исторически сложившейся системы и преуспевал в ней, всячески стремились ее поддерживать и поднимать престиж своего имени. С другой стороны, обойденные почестями представители менее знатных родов, иноэтничных групп, пытались встроиться в эту систему разными путями: через усыновление, просьбы к императору, подлог документов о происхождении и т. д.

Безграничная власть императора позволяла ему не только жаловать имена, но и отнимать их, и этим правом он широко пользовался для решения проблем в среде придворных, возвышения фаворитов и избавления от неугодных. Отстранить опасного деятеля от рычагов управления было просто. Например, в 698 г. императорским указом жалованное имя Фудзивара было оставлено только детям Фухито: Мутимаро, Фусасаки, Умакаи, Маро, а его брату Фудзивара-но Омимаро было возвращено родовое именование Накатоми на том основании, что он занимается делами синтоистских божеств. Вместе с лишением имени сам наказуемый и все его потомки отстранялись от привилегий, прав на земли рода, прав на занятие должностей [Мещеряков, 2002. С. 192].

Лишение имен как мера, направленная против преступников либо оппозиционеров, оказывалась чрезвычайно действенной. Иногда она приводила к исчезновению целых влиятельных родов. Другими вариантами кары за преступления разной степени тяжести были смертная казнь, изгнание, домашний арест и другие виды ограничения свободы [Dunn, 1977. P. 27]. Однако эти наказания (включая казнь) не затрагивали отношений человека с родовым божеством *удзигами*. Между тем наиболее опасным считалось отлучение от защиты и покровительства родового божества, которое не могло «узнать» человека, лишенного имени. Таким образом, вместе с лишением имени, что само по себе было позорным, у провинившегося отнимали статус и лишали его покровительства богов.

Термин *хансэй* – уничижительное имя для преступника – неоднократно встречается в юридических документах VIII–XI вв. Самый известный пример наказания через *хансэй* – это смена имени в царствование императрицы Сётоку в сентябре 769 г. придворному Вакэ-но Киёмаро на Вакэбэ Кита-

намаро. Знак «чистый» в его имени был заменен на «грязный», а родовое именование из аристократического превращено в имя ремесленника [Указы..., 1990. С. 129].

Законодательное оформление акта лишения имен зафиксировано в позднем документе «Руйдзю мэйбуцуко» («Свод примечательных прецедентов», ок. 1780 г.), который гласит, что «преступники должны менять имя» при: 1) должностном или ином преступлении; 2) ссылке в монашество или, наоборот, разжаловании в простые миряне; 3) отлучении от императорского дома [Сакагаки..., 1998. С. 67].

Примеры наказаний можно найти в императорских указах и в памятниках литературы: «Когда же рассмотрели мы законы, то вышло, что все эти люди подлежат смертной казни. Но хоть и так, решили мы их помиловать и наказание на одну степень облегчить: имена семейные переменить и наказать далекой ссылкой» [Указы..., 1990. С. 132]; «А с бывшим настоятелем (Мэйуном) поступили по примеру минувших лет, когда каре подвергались священнослужители: отняли грамоту о принятии духовного сана, объявили снова мирянином и дали мирское имя – Мацуэ Фудзии» [Повесть..., 1982. С. 73]; «Сутоку<sup>1</sup> сослал на остров Сикоку, в край Сануки, где он и умер. Его имя исключили из хронологии императорского дома, именуя по месту ссылки “государем Сануки”». Такое посмертное бесчестье тоже считалось одной из форм наказания» [Там же. С. 648].

Случалось, что имени лишали не пожизненно, а на определенный срок, по истечении которого человек вновь получал право на свое имя и на покровительство родового божества. Обычно срок отлучения варьировался от месяца или даже нескольких недель до одного года. Самый длительный известный срок лишения имени – два поколения [Окутоми..., 2003. С. 56]. После «освобождения от имени» «освобожденные» представители рода не имели больше права именоваться по-прежнему.

К XI в. император утратил фактическую светскую и духовную власть, за ним осталось только право собственности на землю. С этого времени «божественная привиле-

<sup>1</sup> Император Сутоку (правил с 1124 по 1141 г., умер в 1164 г.) был одним из главных инициаторов смуты Хогэн (1156 г.).

гия» жалования имен, равно как и право лишения имен постепенно перешли к главам родов, позднее – к сёгуну, крупным феодалам, военной знати и духовным лицам.

Права носить свое имя чиновники и военные лишались чаще всего за прямое или косвенное участие в бунтах, должностные и бытовые проступки, пьянство, злоупотребление оружием, проявление непочтительности, в том числе, в семье. Многочисленные указы о лишении имен скреплены в основном печатями настоятелей семейных храмов, а не глав родов [Сакагаки..., 1998. С. 35].

Итак, первоначально служащая регулированием придворной жизни такая мифологизированная мера наказания, как лишение имени, по мере ослабления верховной власти применялась ко все более низшим слоям общества: от высшей аристократии к военным и далее, периферийной знати.

Эпоха Камакура (1185–1333 гг.) резко изменила приоритеты японского общества. Придворная аристократия сдавала свои позиции под натиском окрепшего и достигшего власти военного сословия. При камакурском сёгунате награды и полномочия предоставлялись скорее за личные заслуги, чем за знатное происхождение. Вскоре после создания военного правительства *бакуфу* сёгун Минамото Ёритомо (1147–1199 гг.) добился присвоения высокого ранга и права независимо управлять девятью провинциями. Хотя Ёритомо не был главой рода Минамото, его, вместе с фактической властью, очень привлекали привилегии пожалования, смены и лишения имен, т. е. право, которое принадлежало императорскому двору и отчасти регентам Фудзивара [Plutschow, 1995. P. 66].

Сегун Ёритомо принимал активные меры по ограничению и лишению права ношения родовых именованных. Несколько ранее, после установления влияния клана Тайра в результате смуты годов Хэйдзи (1159–1160 гг.) клан Минамото практически исчез с политической арены. Его члены потеряли право ношения аристократического родового имени Минамото. Именоваться как Минамото было дозволено только самому Ёритомо и его ближайшим родственникам. Но после в отношении рода Минамото были оказаны некоторые послабления – некоторым членам рода было возвращено право участвовать в религиозных церемониях при

дворе, а также право вновь именоваться Минамото. В памятнике «Адзума кагами» («Восточное Зерцало», конец XIII в.) все ближайшие родственники Ёритомо, а именно Оути, Ясуда, Оота, Ямана и иные записаны как Минамото, а члены остальных ветвей рода упоминаются только по названию земельных владений: Нисикидо, Хидзумэ, Арама, Оота, Кавакита, Мотоёси и др. [Адзума, 1963]<sup>2</sup>.

Придавая большое значение генеалогии и привилегиям, связанным с родовым именованием, подозрительный сёгун ограничил количество членов рода Минамото лицами, входившими в составленный им особый список. Младший брат Ёритомо – Нориёри, однажды недальновидно подписался в письме как «бывший наместник провинции Микава, Минамото-но асоми», за что был заподозрен в проявлении неверности, послан в Идзу и убит. В особый список не вошел и популярный в народе младший брат сёгуна – Куро-Ёсицунэ, талантливый полководец. Позднее Ёритомо тем или иным способом поодиночке расправился со всеми претендентами на власть.

Незадолго до своей смерти в 1199 г., Ёритомо распорядился всех членов рода, кроме своих прямых потомков и членов их семей, именовать только по названию их владений: Арата, Сатакэ, Такэда, Асикага, Ямана, Оути, Ота и т. д. Родовое именование Минамото стало отныне «личной фамилией» Ёритомо и его сыновей. Так продолжалось в течение трех поколений камакурских сёгунов – Ёритомо, Ёриэ и Санэтомо (1192–1205 гг.) [БСИЛРЯ, 1997. Т. 11. С. 334].

Указ Ёритомо о наследовании именованного Минамото только по прямой линии главного рода стал прецедентом. С этого времени во многих старых родах родовые именованные уже не распространялись на всех членов рода, а стали наследоваться только по главной мужской линии родства. Отделяющиеся семьи начинали именоваться по месту нового проживания. Например, в роду Ходзэ из Камакура родовое имя Ходзэ, как и фамильное поместье, остались за старшим сыном. Остальные родственники

<sup>2</sup> См. также: на CD-ROM [AK99]: Синтёдохокоси дайкэйхон / Адзума кагами. Гёкуё дэтайбэйсу / Под ред. Ёсикава Хиробуми, Фукуда Тоёхико. Токио, 1999 // <http://www.yoshikawa-k.co.jp/> (08/10/06).

именовались соответственно месту нового проживания. Также обстояли дела в больших родах Асикага, Арата, Миура и др.

Политику ограничений на ношение известных родовых именованных продолжили и следующие поколения сёгунов. В 1359 г. сёгун Асикага Ёсиакира издал указ № 4150 о полном запрете всем дочерним родам на наследование родовых именованных Асикага, Арата, Миура, Отомо и иных. Поводом к изданию указа стало прошение потомков крупного рода Отомо о позволении вновь именоваться родовым именем [Окутоми..., 2003. С. 119].

Запрет на родовые именованные и дробление крупных родов привели к тому, что названия владений (бенефиционимы) довольно быстро превратились в наследуемую часть именованного. К XIV в. в среде военного сословия бенефиционим приобрел более высокий статус, чем все прежние именованные. Нередко бенефиционимы, но без земельного владения, воинам жаловали непосредственно перед выступлением в поход. В этом случае вместо названия поместья брали название родной деревни воина либо название владений господина. Можно считать, что таким образом жалование именованного преследовало цели объединения рода и подчеркивания власти главы рода. Кроме того, обязанность выкликать свое полное имя перед поединком, принятая в то время, требовала ношения звучного и престижного, желателно многосоставного именованного. Таким образом, бенефиционим-мёдзи утрачивал свой первоначальный смысл – подтверждение прав на землю, и приобретал значение символа вассальных отношений. Самурай носил это именованное как символ договора с господином о безупречном служении.

Новый тип именованного постепенно стал распространяться среди низших сословий. Власти всячески противились этому, оберегая свое исключительное право на ношение бенефиционимов. В указах феодалов XIV в. попадаются следующие замечания: «Если низшего сословия человек, пренебрегая нашим мнением, назовется по мёдзи, считать, что мы этого не слышали»; «Если обычный человек назовется по мёдзи, считать его не в своем уме» [Окутоми..., 2003. С. 157].

Документы свидетельствуют о том, что попытки простолюдинов именоваться по-

добно аристократам имели место уже в тот период. Официальные запреты на ношение простолюдинами мёдзи пока отсутствовали, они появились значительно позднее. Поэтому речь пока идет не о наказании, а об игнорировании таких попыток.

Однако спустя два столетия практика пожалования представителям низших сословий престижной части именованного – бенефиционимов, стала обычным явлением. К началу XVII в. бенефиционим-мёдзи приобрел настолько высокий статус, что стремление получить право на это именованное заставляло простолюдинов идти на значительные издержки. Наличие его в формуле именованного означало знатных предков, особые заслуги или финансовую состоятельность, что выделяло человека из своего сословия.

Крестьяне могли получить разрешение на ношение мёдзи, уплатив ежегодную арендную плату за землю на несколько лет вперед, что было возможно только для зажиточных семей, и то в случае хорошего урожая. С XVIII в. богатые купцы взяли за правило покупать усыновление в семьях самураев для своих сыновей. Это был один из способов вырваться из своей социальной среды [Dunn, 1977. P. 194].

Среди низших сословий было много лиц, некогда принадлежавших к потомкам самураев, но по разным причинам оказавшихся в крестьянском сословии. Часто это были старосты деревень, зажиточные торговцы [Ibid. P. 70]. Вероятно, они называли себя по старым родовым именованным либо по бенефициониму-мёдзи своих предков. Однако для них также были введены ограничения. В «Списке примеров земельного владения» (1769–1801 гг.) указано: «Простолюдинам, даже если их предки некогда относились к затухавшим ветвям благородных фамилий, но опустились до положения простых горожан, запрещается носить мёдзи» [Сакагаки..., 1998. С. 98].

Разрешение на ношение мёдзи власти даровали простолюдинам в виде исключения и награды за особые заслуги. Существовало несколько видов таких разрешений, в том числе, разрешение «на одно поколение» и разрешение «на вечное ношение». Например, запись в «Указах Токугава о запретах» за декабрь 1842 г. гласит: «Сельскому старосте Ридзаэму лично разрешить носить

*мёдзи*, пока он занимает этот пост» [Окутоми..., 2003. С. 141]. Это пример разрешения *мёдзи* «на одно поколение», ограничение здесь действует даже не на время жизни, а на время службы.

Таким образом, ко второй половине XIX в. бенефиционим практически утратил роль маркера владельца земли как в военном сословии, так и среди простолюдинов. Он окончательно превратился в статусную часть именованного, подтверждающую привилегированное положение, близость к власти и особые заслуги ее обладателя. Поэтому класс землевладельцев неминуемо должен был рано или поздно установить ограничения на ношение бенефиционимов для лиц, не имеющих земли в личном владении, что и произошло в XII в.

Четкие сословные различия в японском обществе, требования соблюдения конфуцианских и буддийских заповедей и система жестких наказаний за переход сословных границ официально ограничивали распространение этого именованного среди представителей низших сословий. Такие мифологизированные меры, как лишение имени, установление ограничений на право ношения родового именованного и прочие дискриминационные меры широко использовались властями для демонстрации силы и уничтожения неугодных. Правом пожалования родового имени власти пользовались как с целью дарования определенных привилегий, так и в корыстных интересах.

В целом система социально-значимых именованных успешно регулировала социальные отношения вплоть до XIX в., до так называемой «фамильной революции» 1872 г., когда правительство решительно вмешалось в традиционные институты, установив единую для всех слоев общества антропонимическую формулу, сходную с европейскими образцами.

## Список литературы

*Адзума* кагами: Восточное Зерцало // Нихон сирё сюэи. Токио, 1963. Т. 1–15.

БСИЛРЯ: Нихон сэйси рэкиси дзимбуцу дайджитэн (Большой словарь исторических личностей и родов Японии). Токио: Кинокуния сетэн, 1997. Т. 1–12.

БСЯИФ: Нихон дзиммэй дайджитэн (Большой словарь японских имен и фамилий). Токио: Хэйбонся, 1979. Т. 1–7.

*История* Японии. М.: ИВ РАН, 1999. Т. 1: С древнейших времен до 1868 года. 659 с.

*Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. СПб.: Гиперион, Триада, 2002. 512 с.

НС–СПб: Нихон сёки. Анналы Японии / Пер. со старояп. и коммент. Л. М. Ермаковой, А. Н. Мещерякова; Под ред. В. Н. Горегляд. СПб: Гиперион, 1997. Т. 1–2.

*Повесть* о доме Тайра. Эпос XIII в. М.: Азбука-классика, 1982. 703 с.

*Окутоми* Такаюки. Нихон но намаэ но рэкиси (История японских имен и фамилий). Токио: Синдзимбуцусю; райся, 2003. 254 с.

*Сакагаки* Хидэнори. Сэймэй то нихондзин (Фамилии и японцы). Токио: ДНС, 1998. 231 с.

*Синто* – путь японских богов: В 2 т. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 2: Тексты синто. 496 с.

*Такахаси* удзибуми тюсяку («Сочинение о клане Такахаси» с примеч. и коммент.). Токио: Ханрин сёбо, 2006. 288 с.

*Указы* японских правителей VII–VIII вв. из летописи Сёкунихонги // Восток. 1990. № 5. С. 129–140.

*Dunn Ch. J.* Everyday Life in Traditional Japan. L.: Tuttle Publishing, US, 1977. 208 p.

*Plutschow H.* Japan's Name Culture. The Significance of Names in a Religious, Political and Social Context. Japan Library. Richmond: Curzon press, 1995. 271 p.

*Материал поступил в редколлегию 18.11.2010*

E. L. Frolova

## NAME AS AN INSTRUMENT OF POWER IN THE TRADITIONAL JAPANESE SOCIETY

The article attempts to present the relations between the authority and social sector in traditional Japanese society in the light of generic and other naming conventions. It considers elevation through bestowal of a name, punishment with deprivation of one, defending of the honour of generic names and the practice of restraint on bearing names. All hierarchic structure of traditional Japanese society was actually built on the names as status symbols, tightly linked with titles and ranks. The supreme power has successfully operated the names of the court aristocracy as a tool of subjugation.

*Keywords:* Japan, the name, power, status, bestowal of a name, deprivation of name.